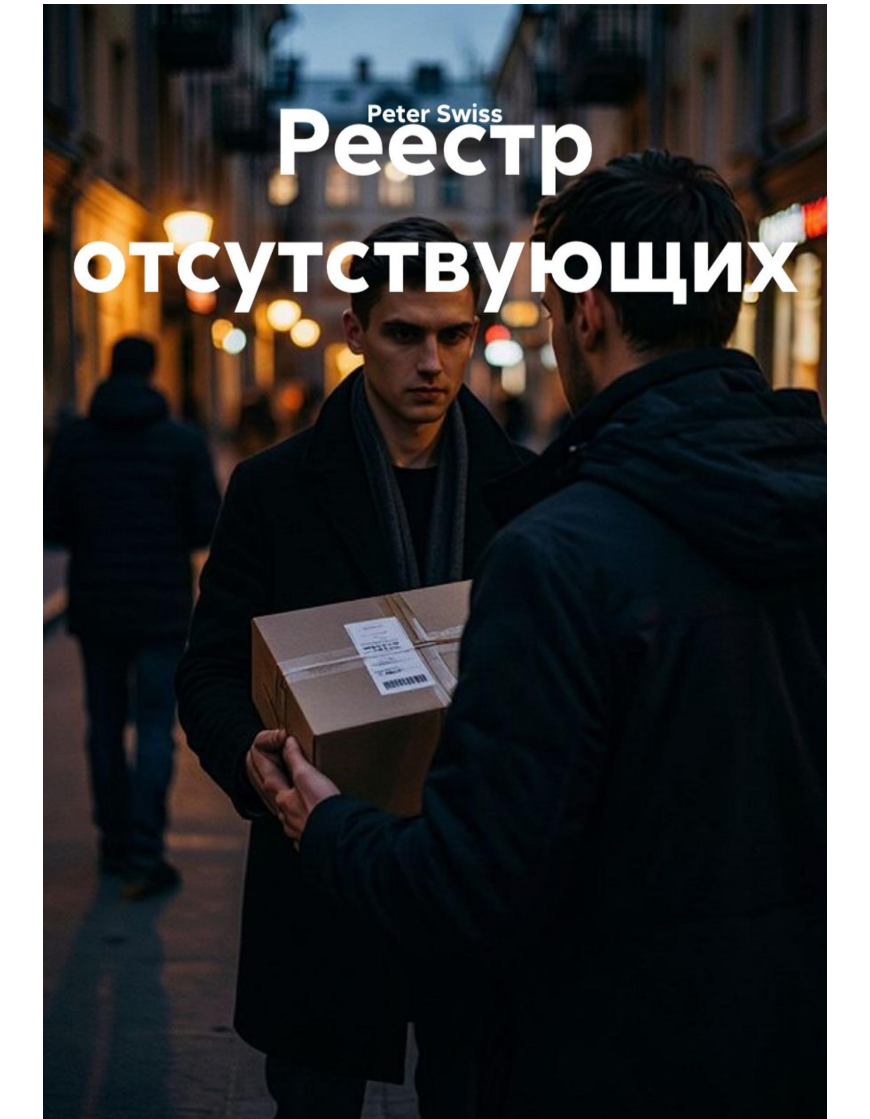

Peter Swiss

Реестр отсутствующих

Peter Swiss

Реестр отсутствующих

<https://litres.ru/74568159>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом городе человека можно вычеркнуть из жизни. Сначала исчезает имя в документах. Потом его забывают близкие.

Лонел служит Агентству, скрытому под Главпочтамтом, и привык считать себя защитником людей. Его собственная тайна — любовь к Роз: связь между сотрудниками запрещена и может стоить им обоим жизни.

Всё меняется, когда незнакомец приносит записку её почерком и умирает на глазах у Лонела. Расследование ведёт в город под городом, где живут те, кого наверху больше не помнят. А среди документов Лонел находит свою подпись под решением, которого не помнит сам.

Чтобы спасти Роз и вернуть исчезнувшим имена, ему придётся узнать, что именно он помог забыть. И решить, за какую правду готов отвечать.

Содержание

Часть первая Недоставленное	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	39
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Peter Swiss

Реестр отсутствующих

другу, погрязшему в низах, посвящается...

Реестр отсутствующих

Роман

Часть первая Недоставленное

Глава 1

Как обычно

Хмурое небо лежало над крышами так низко, что казалось: достаточно поднять руку, и пальцы будут пахнуть мокрой штукатуркой. Фонари уже зажглись. Вдоль тротуара светились магазины, кафе, салоны красоты, предлагая уставшим прохожим вещи, которых у них не было, и покой, которого не могло быть.

Я стоял напротив парка и смотрел на часы. Без трёх минут восемь.

В кармане пальто лежала записка, сложенная вчетверо. Я нащупал её сквозь подкладку и ещё раз повторил про себя: «Сегодня. Медная, семнадцать. Не звони. Стучать как обычно. Время как обычно».

Слово «сегодня» она добавила впервые.

Обычно мы обходились без даты. У времени имелось слишком много свидетелей: табели, камеры, дежурства, чужая память. Адрес можно было поменять, записку сжечь, а день продолжал существовать в отчётах. Поэтому я приходил к нашему тайнику вечером, иногда неделю подряд, и ша-

рил под расшатанным камнем у ограды. Иногда под камнем лежал только сырой мусор. Иногда я находил бумажку и чувствовал, как возвращается способность дышать.

Большие часы в парке пробили восемь. На втором ударе голуби взлетели с карниза. На шестом кто-то за моей спиной произнёс:

— Он вернулся.

Я обернулся. Две женщины стояли под навесом автобусной остановки. Одна придерживала хозяйственную сумку, другая — мальчика за плечо. Они смотрели не на меня. На другой стороне улицы рабочие закрывали железными листами вход в подземный переход.

— Опять трубы, — сказала женщина с сумкой.

— Не трубы.

Я пошёл, не дослушав. В нашем городе слухи о Нём возникали каждую осень. На самом деле большинство людей даже не знало, кого именно боялось. Они помнили смутное предупреждение, материнский запрет спускаться после темноты, исчезнувший квартал, который на новых картах превратился в сквер. Страх отлично жил без имени.

До Медной было десять минут. Я потратил двенадцать: дважды менял сторону улицы, остановился у витрины, сделал круг вокруг закрытой аптеки. В отражениях за мной никто не шёл. Это не означало, что я был один.

Дом семнадцать стоял в ряду одинаковых двухэтажных строений. Серые стены, коричневые двери. Дождь начался,

когда я поднялся на крыльцо. Оба окна были тёмными.

Два коротких удара. Пауза. Один длинный.

За дверью едва слышно щёлкнул замок. Я вошёл и остановился в темноте.

— Привет, — сказал я.

— Пальто сюда. Обувь слева.

Тусклая лампа обозначила прихожую, мокрый коврик, полку. Роз стояла босиком. Волосы она обрезала чуть выше плеч; я увидел это раньше, чем кровь у неё на запястье.

— Что с рукой?

— Чужая.

Она забрала пальто, повесила, а потом обняла меня так, будто всё это время удерживала что-то тяжёлое и наконец получила право отпустить. Я прижался губами к её виску. От волос пахло дешёвым гостиничным мылом.

С Роз мы никогда не разговаривали в первые минуты. Иногда молчание было единственным, что можно было принести другому целым.

На кухне стояли две кружки. Под одной — круглая влажная отметина, как будто кто-то пил здесь до меня.

— Хозяйка? — спросил я.

— Оставила чай и ушла. Я проверила.

Роз делала это лучше меня. Если она говорила «проверила», можно было сесть спиной к двери. Я сел.

Дождь за стеклом набирал силу. Кран на кухне капал, и Роз поднялась, чтобы затянуть его. Не получилось. Она по-

стояла с рукой на вентиле, потом вернулась.

— Ты что-нибудь слышал? — спросила она.

— О Нём?

Роз кивнула.

— Говорят всякое.

— На Литейной вчера вызывали санитарную бригаду. В комнате нашли шесть тарелок, шесть стульев и одного человека. Он утверждал, что живёт один. Никаких следов остальных. Даже фотографии другие.

— Кто вёл осмотр?

— Не наша группа.

Я положил ладонь на её пальцы.

— Мы справимся.

— Не говори это так быстро.

Она посмотрела на наши руки. На её запястье под засохшей кровью была ещё одна отметина: тонкий светлый шрам поперёк кожи. Я знал этот шрам. Знал, что он появился раньше, чем мы встретились, и что спрашивать о нём нельзя.

— Ты боишься? — сказал я.

— Я боюсь, что мы опять назовём кого-нибудь чудовищем раньше, чем узнаем, что он сделал.

Я отпустил её руку.

На службе Роз занималась тем, что официально называлось восстановлением показаний. После её работы люди могли точно описать то, что видели во тьме. Некоторые переставали спать. Некоторых забирали в стационар. Она никогда

не рассказывала, что слышит сама.

— Тебя куда-то отправляют?

— Завтра.

— Надолго?

— Не знаю.

Я хотел спросить куда, но остановился. Мы оба служили Агентству. Личные отношения между сотрудниками были запрещены. Не выговором и не увольнением: в инструкции использовалось слово «разъединение». Я видел, как это происходило. В кабинетах после таких людей меняли таблички; сослуживцы спустя месяц забывали, что за таблички были раньше.

Мы верили, что правила нужны. Слишком многое в нашем деле умело пробираться к человеку через того, кого он любил. И всё-таки каждую встречу мы нарушали правило, за которое я сам задерживал других.

— Ты мог бы приготовить завтрак, — сказала Роз.

Я не сразу понял.

— Когда вернёшься?

— Вообще когда-нибудь. Всё время я.

— Я умею только пережаривать яйца.

— Значит, будешь учиться.

Она улыбнулась. Между передними зубами у неё была почти незаметная щель. В Агентстве эту улыбку я видел всего два раза, и оба раза она была предназначена кому-то другому.

Мы допили чай. Я вымыл кружки, а Роз смотрела, как я пытаюсь найти место для них в чужом шкафу. В спальне она прижала мою ладонь к своей груди и некоторое время лежала так, следя за тем, как постепенно согреваются пальцы.

— Если я опоздаю, — сказала она, — не меняй время.

— Я подожду.

— Я знаю.

Это было всё. Ни клятв, ни прощания. Мы уснули, когда дождь уже перестал быть отдельными каплями и превратился в постоянный шум.

Ночью я проснулся от стука. Два коротких удара. Пауза.

Роз сидела на краю кровати. Я видел её плечо в полосе света от уличного фонаря.

— Соседи, — шепнула она.

— Кто-то у двери.

— Не нашей.

Длинного удара не последовало. Через некоторое время я опять уснул.

Утром, когда она ушла, я обнаружил на подоконнике маленькую лужицу. Окно было закрыто, стены вокруг сухие. В воде лежало зёрнышко чёрного песка.

Я вытер его большим пальцем и ничего не сказал Роз. Мы слишком давно привыкли не приносить работу в единственную ночь, которая принадлежала нам.

Глава 2

Главпочтамт

Завтрак был на сковороде, кофе в кофейнике. Роз стояла в дверях спальни уже одетая и пыталась застегнуть серёжку.

— Не благодари. Когда-нибудь сделаешь то же для меня.

Я встал, чтобы помочь. Застёжка выскользнула у меня из пальцев, и Роз засмеялась. Я поймал её за талию. На несколько секунд нам снова стало легко.

— Записка там же? — спросил я.

— Там же. Не раньше четверга.

Был понедельник.

Она вышла, не попрощавшись. Мы не любили это слово. В нашей работе оно слишком часто оказывалось точным.

Ключи я оставил на столике у двери. Дом сдавался посуточно через обычное приложение, но учётная запись принадлежала человеку, который никогда не существовал. С такими мелочами Агентство само научило нас обращаться.

Утренний город пах мокрыми листьями. Я случайно обрызгал прохожего, извинился и услышал за спиной долгую, вполне человеческую ругань. Она почему-то успокоила меня.

Главпочтамт занимал целый квартал. Каменные ступени стёрлись от миллионов ног, медные двери потемнели, а на

фасаде часы уже третий год показывали половину шестого. Почту здесь действительно принимали. Очередь к четвёртому окну была длиннее обычного: старая женщина пыталась отправить посылку без обратного адреса, и оператор объясняла ей, почему нельзя.

— Он знает, от кого, — говорила женщина.

— Нам всё равно нужно заполнить бланк.

Я прошёл за сортировочные стойки, предъявил карточку у двери с надписью «Служебное» и спустился на три этажа. На первом пахло бумагой, на втором — дезинфекцией, на третьем запахов почти не было. Вентиляцию там проверяли каждые шесть часов.

Турникет принял карточку не сразу. На экране появилась полоска белого света, потом мой номер: 41-Л.

— Доброе утро, Лонел, — сказал охранник.

— Утро.

— Оставьте ладонь ещё на секунду.

Я положил руку на матовую пластину. Кожа похолодела.

— Всё в порядке, — сказал он.

Из-за такой секунды у меня однажды забрали сослуживца. Вечером у его двери уже дежурила санитарная бригада. Я не спросил, почему, и считал это благоразумием.

Мой кабинет находился в конце коридора. На столе лежала папка с красной печатью. Рядом стояли часы в форме краба — дурацкая яркая вещь, которую я купил в поездке к морю. Самой поездки я почти не помнил. В отчёте об отпуске

значилось, что я провёл его один.

Краб исправно отсчитывал секунды. Папка оставалась закрытой.

— Ты уже ознакомился?

Зигс вошёл без стука. Он руководил департаментом двенадцать лет, и за всё это время я видел его без пиджака лишь однажды, на похоронах. Тогда у него на руках обнаружились старые ожоги.

— Кофе? — спросил я.

— Если не вчерашний.

Я нажал кнопку аппарата.

Зигс сел, но папку не открыл. Смотрел на меня так, словно ждал, когда я скажу что-то, чего говорить не собирался.

— С этого дня у тебя напарник.

— Нет.

— Кристоф.

— У него нет полевого допуска.

— С сегодняшнего утра есть.

Кофе закапал в чашку. Зигс снял очки и протёр стекло краем платка.

— Два сотрудника пропали на Нижней Литейной. И ещё трое гражданских. За шесть дней. В каждом месте нашли след перехода, но никакого носителя. Дежурные считают, что это связанное явление.

— Если ты хочешь человека, который поможет стрелять, возьми другого.

— Я хочу человека, который запишет, что ты увидишь. Сам ты в последнее время этого не делаешь.

Я посмотрел на папку. Нижняя Литейная была рядом с кварталом, о котором говорила Роз.

— Что с пропавшими?

— Мы ищем.

— Кто сотрудники?

— В приложении.

Он не произнёс имён. В обычном разговоре это можно было бы не заметить.

— Я работаю один, Зигс.

— Ты работаешь по приказу. Остальное — сложившаяся привычка.

Он забрал чашку, сделал глоток и поморщился.

— Лонел, знаешь, почему я столько лет на этом месте?

— Потому что ни разу не принял неверного решения.

Когда-то он действительно сказал мне это. Сейчас не улыбнулся.

— Потому что я ещё здесь.

После его ухода я открыл папку.

Первой шла фотография лестницы. Ступени обрывались у стены, но вдоль стены виднелись влажные следы обуви: человек продолжал идти после того, как кончился проход. На следующем снимке — комната с накрытым столом. Шесть тарелок. На одной засохшая каша, аккуратно разделённая ложкой на две половины.

В списке пропавших гражданских были два имени и пустая строка. В списке сотрудников — только номера. Один я знал. Двенадцать лет назад он принадлежал агенту, который научил меня правильно затягивать жгут.

Он умер восемь лет назад.

Я перечитал справку. Номер был тот же.

До полудня я пытался разобраться, откуда взялась ошибка. Позвонил в архив. Секретарь сказала, что архивист ушёл на сверку. Позвонил в учётный отдел. Там ответили, что приложению доверять можно. Когда я спросил про фамилию, соединение оборвалось.

В дверь постучали.

Вошёл молодой мужчина в кожаной куртке и кепке. Длинные светлые волосы были собраны на затылке. Он на мгновение задержал взгляд на часах, потом протянул руку.

— Кристоф. Рад знакомству.

Я сжал её сильнее, чем следовало. Лицо парня не дрогнуло, но костяшки побелели.

— Зигс сказал, ты хорошо работаешь с бумагой.

— А мне сказал, что вы плохо.

Я отпустил его руку.

— Иди сюда.

Мы вместе посмотрели на фотографию лестницы. Кристоф наклонился ближе.

— Здесь не все ступени, — сказал он.

— Я вижу.

— Нет. На схеме их тринадцать. На снимке двенадцать. Я поднимал план квартала, когда готовился. У дома нет подвала, лестница ведёт во двор.

Он вытащил из внутреннего кармана сложенный лист. Начертил карандашом направление съёмки. Я молчал.

— Вы думаете, что он спускался, — сказал Кристоф. — А по следам похоже, что он вышел.

У парня была привычка не договаривать за другого. В первый день она мне понравилась.

Я взял пальто.

— За углом варят нормальный кофе.

— А дело?

— Возьмём с собой. Только сначала убери карандаш.

— Почему?

— Если увидишь здесь надпись, которую не помнишь, не обводи её. Даже если захочется.

Кристоф медленно закрыл блокнот.

Глава 3

Парень у стойки

В закуской ещё не включили музыку. Бармен полировал бокалы, а у окна сидел пожилой мужчина, читавший спортивную газету позавчерашнего дня. Мы выбрали дальний стол.

Кристоф заказал кофе с молоком. Я ждал, что он станет оправдываться, но он просто снял кепку и положил её рядом.

— Вам правда нравятся эти часы? — спросил он.

— Какие?

— Краб.

— Они ходят.

— У моей сестры были похожие. В форме лягушки. Она разобрала их, потому что хотела услышать, как время выглядит изнутри.

— И что услышала?

— Что мать недовольна.

Он улыбнулся. Я не стал спрашивать о сестре. В анкетах сотрудников семейные связи указывались отдельно, и чаще всего этот раздел заменяли листом с печатью «Закрето».

За дверью прошёл трамвай. Стёкла задрожали. Я подумал о Роз: в какой части города она сейчас, успела ли поесть, кого назначили ей в сопровождение. Иногда моя служба состояла

из попыток не думать о ней. Для всего остального оставались только руки.

В закусную вошёл парень в чёрной куртке. Щуплый, с короткой бородой без усов. Он остановился у стойки, оглянулся и стал что-то шептать бармену.

Бармен перестал вытирать бокал.

Я видел их в зеркале над полкой. Парень держал правую руку в кармане. Лево́й поставил на стойку конверт.

У конверта не было тени.

— Не двигайся, — сказал я Кристофу.

Он посмотрел на мою чашку, словно разговор шёл о кофе.

Бармен отступил на шаг. Парень обернулся. Я успел увидеть его лицо: ему было лет двадцать, и одна половина рта двигалась с опозданием, не совпадая с друго́й.

— Я ищу Лонела, — сказал он.

Мужчина с газетой перевернул страницу. Движение было слишком медленным. Лист застрял в воздухе.

Я достал из рукава тонкую металлическую полоску и опустил её поперёк порога нашего столика. Ничего не произошло. Значит, комната ещё принадлежала городу.

— Кто прислал?

— Она сказала, вы будете здесь.

— Кто она?

Парень открыл рот, но вместо слова у него изо рта потекла вода.

Кристоф вскочил. Я удержал его за куртку.

— Дверь. Не его.

Он понял не сразу, потом подбежал к выходу и заклинил дверь ножкой стула. С улицы в комнату ударили шум машин и холодный воздух. Газетный лист опустился.

Парень стоял у стойки, судорожно сглатывая. Вода стекала на воротник. Бармен схватил полотенце, протянул ему, но тот не заметил.

— Слушай меня, — сказал я, подходя. — Как тебя зовут?

Он замотал головой.

— Скажи имя.

— М...

— Только то, которым тебя зовут дома.

— Мил... Милан.

Зрачки у него расширились. Он смотрел мимо моего плеча, туда, где Кристоф держал открытую дверь.

— Хорошо, Милан. Ты пришёл сюда сам?

— От мастерской. Она... сказала: к кофе. К тому, который пьёт горький.

Роз знала эту закусочную. Мы дважды встречались в её уборной, разговаривая через включённый кран.

— Когда ты её видел?

— Вчера.

Вчера она была со мной.

Я посмотрел на конверт. На бумаге проступали тёмные пятна. Конверт не намокал: пятна возникали изнутри, будто под тонкой кожей.

— Не трогайте, — сказал бармен. — Он достал это изо рта.

Милан попытался повернуться ко мне, но ноги его подкосились. Я подхватил его под мышки, усадил на пол. На груди под расстёгнутой курткой висела карточка коммунального работника.

Милан Остер. Сектор водоснабжения. Фотография была его. Под фотографией, в графе доступа, стояла дата завтрашнего дня.

— Там темно, — сказал он. — Не потому, что свет... Там некому видеть.

Я положил пальцы на его шею. Пульс бился быстро, с паузами.

— Где?

Он с трудом поднял руку. Я наклонился. Губы пахли речным илом.

— Она попросила не звать тебя.

После этого он перестал дышать.

Я сделал всё, что полагалось. Кристоф опустился рядом и сменил меня, когда у меня устали руки. Бармен вызвал скорую. Пожилой мужчина с газетой ушёл, не заплатив, и никто его не задержал.

Через семь минут прибыли двое санитаров без опознавательных знаков. Через восемь исчезла вызванная барменом заявка. Через девять в закусочной включилась музыка, и гости у двери начали раздражаться из-за закрытого зала.

Один санитар спросил меня, откуда тело. Другой уже набрал на планшете имя Милана, но на экране появилось: «Совпадений нет».

— У него удостоверение, — сказал Кристоф.

— Поддельное.

— Вы даже не посмотрели.

Санитар поднял глаза. Я коснулся плеча Кристофа.

— Запиши время, — сказал я.

Парень посмотрел на меня, потом на Милана. Записал.

Пока санитары разворачивали непрозрачный мешок, я накрыл конверт салфеткой и переложил в изолирующий пакет из внутреннего кармана. На миг бумага оказалась рядом с моей рукой. Я ощутил знакомое тепло, которого здесь не могло быть.

В пакете лежал маленький сложенный лист, хотя конверт я не вскрывал.

На листе было написано почерком Роз:

«Не верь тому, что я скажу при них».

Я посмотрел на Кристофа. Он всё видел. Его карандаш остановился над блокнотом.

— В отчёт? — спросил он тихо.

Первый настоящий вопрос моего нового напарника.

Я сказал:

— Пока нет.

Глава 4

Пустая строка

Мы вернулись через служебный вход. Зигс ждал у турникета. Он не спросил, почему мы задержались, только посмотрел на мокрый рукав моей рубашки.

— Контакт?

— В закуской. Мужчина принёс предмет.

— Где предмет?

Я передал пакет. Это пришлось сделать: на входе он всё равно оказался бы в лотке контроля. Записку я оставил внутри. Пока её держал я, она была уликой против нас с Роз. В руках начальника могла стать уликой против кого-то ещё. Так я объяснил себе этот поступок.

Зигс рассматривал бумагу через пластик.

— Что было написано?

— Вы видите.

— Здесь ничего нет.

Я заглянул в пакет. Лист оказался чистым.

— Кристоф? — спросил Зигс.

Парень стоял рядом, засунув руки в карманы.

— Я видел записку, — сказал он.

— Текст?

Кристоф перевёл взгляд на меня.

— Не разобрал.

Зигс подержал нас у турникета ещё несколько секунд и вернул пакет.

— В изолятор до вечера. Обоих. Наблюдение первого уровня.

Изолятор находился этажом ниже моего кабинета. В комнате стояли две кровати и стол, прикрученный к полу. За матовым стеклом горела лампа. Там сидел дежурный, но увидеть его мы не могли.

Кристоф закрыл блокнот и положил на стол. Я услышал, как у него щёлкнули суставы: только сейчас он позволил себе потереть руку после нашего знакомства.

— Не нужно было врать, — сказал я.

— Вы тоже не разобрали?

Я промолчал.

Он сел на кровать и некоторое время смотрел на свои ботинки. На одном высохло пятно. Из Милана вытекло так много воды, что под стойкой образовалась лужа.

— Я читал учебные материалы, — сказал Кристоф. — Там другое.

— Там пишут о случаях, в которых мы поняли, что произошло.

— А остальные?

— Хранят в другом шкафу.

— И что теперь будет с его семьёй?

Я не ответил. На этот вопрос у меня были инструкции и

не было ответа.

Через час принесли еду. В дверном окошке появилась подносная полка, опустилась, исчезла. Кристоф снял крышку с тарелки, но есть не стал.

— У меня есть сестра, — сказал он.

— Ты говорил.

— Я знаю. Просто хотел ещё раз.

Он достал из блокнота фотографию. Двое детей стояли у речной ограды. Мальчик держал пакет с булками, девочка показывала фотографу язык. На обороте было написано: «Ида, восемь лет. Крис, одиннадцать».

— Где она сейчас?

— Не знаю.

Я поднял глаза.

— Вы уже догадались, почему я здесь. Я подал заявление после её исчезновения. Четыре года назад. Всё было обычным: комнату опечатали, соседи ничего не видели, мне посоветовали не мешать. Потом ко мне пришёл человек и сказал, что есть ведомство, которое занимается такими делами. За всё нужно платить, да? Я оплатил.

— Тебя приняли из-за сестры?

— Меня приняли потому, что я умею считать. Сестру обещали искать.

Он говорил без жалобы, и мне стало хуже, чем если бы он плакал.

— Покажи.

Фотографию я положил под лампу. Девочка была настоящей. Изображение не выцвело, лицо не расплывалось, имя на обороте оставалось на месте.

— Ты хранишь её при себе?

— Всегда. На медосмотрах прячу.

— Не оставляй в кабинете.

— Она и так там не лежит.

За стеклом кто-то кашлянул. Мы оба замолчали.

Я лёг, отвернувшись к стене. Не спал. Пытался вспомнить номер умершего агента из папки. 19-М. Маурен. Или Маулер. Я помнил руки, широкие ногти, шнурок на ботинке. Фамилия уходила от меня, когда я пытался её произнести.

Девять лет я считал, что обладаю хорошей памятью.

К вечеру пришла врач — сухая женщина с красными веками. Она светила нам в глаза, просила назвать день недели, проверяла ладони. Возле моего уха задержала прибор немного дольше.

— Головные боли?

— Нет.

— Сны?

— Как у всех.

— Тёплое ощущение при контакте?

Я посмотрел на неё. Она уже делала отметку.

— Нет.

Врач подняла глаза, но ничего не сказала.

Нас отпустили в девять. Коридоры были почти пустыми.

Я повёл Кристофа к архиву — не к нашему, закрытому, а к почтовому, куда сходились старые квитанции. Там работала женщина по имени Агата. Она знала меня как сотрудника службы безопасности, и это была единственная правда, которой ей требовалось довольствоваться.

— Милан Остер, — сказал я. — Работал в водоснабжении. Нужно найти адрес.

— Если что-нибудь получал.

Агата подвинула очки и открыла учётную программу. Первый запрос ничего не дал. Второй она набрала иначе, через инициалы, и нахмурилась.

— Есть уведомление о невручении. Второй месяц ходит туда и обратно. Комната одиннадцать, дом рабочих на Литейной. Получатель умер.

— Когда?

— Шесть дней назад.

Она повернула экран.

Уведомление было зарегистрировано шесть дней назад. Под ним стояла подпись человека, подтвердившего смерть жильца.

Моя подпись.

Кристоф всё ещё смотрел на экран, когда я сказал Агате, что произошла ошибка. Она пожала плечами: ошибок здесь случалось много.

На улице стемнело. Кристоф вынул кепку, но надевать не стал.

— Вы были там?

— Я не помню.

На этот раз я сказал ему правду.

Глава 5

Одиннадцатая комната

Дом рабочих стоял у канала, за ржавым ограждением. С фасада сняли часть штукатурки и оставили леса до весны. На двери висел лист: «В связи с аварийностью здания проход ограничен». Под ним кто-то написал ручкой: «Куда нам?»

У входа сидела вахтёрша. Когда я показал удостоверение, она попросила убрать его поближе: без очков не могла прочесть. Я убрал.

— Милан Остер, — сказал я. — Одиннадцатая.

— Нет такого.

— Жил здесь.

— Одиннадцатая пустует.

Она произнесла это уверенно, но рука её потянулась к связке ключей, перебрала их и остановилась на одном.

— Можно посмотреть?

— Смотрите.

Коридор второго этажа пах жареным луком и влажным линолеумом. За дверями работали телевизоры. Возле одиннадцатой стояли мужские тапки сорок третьего размера. Вахтёрша увидела их и замерла.

— Забыли, — сказала она. — Кто-нибудь.

В комнате было тесно. Кровать, стол, настенная полка.

На батарее сушились рабочие носки. Кристоф открыл шкаф: внутри висели две рубашки, три куртки, одна из них зимняя. На столе лежал билет на ночной автобус. Дата отправления — шесть дней назад.

— Он уехать собирался, — сказал парень.

Я открыл ящик. Инструменты, батарейки, старая карта коммунальных сетей. Под ней — фотография женщины с ребёнком. На обратной стороне: «Милану. Чтобы знал, кто ждёт».

Вахтёрша смотрела на носки.

— Я ему всегда говорила, нельзя на батарее. Открыть форточку, и высохнут. Он говорил: так быстрее.

Она подняла руку ко рту.

— Кому вы говорили? — спросил я.

— Не знаю.

Я вывел её в коридор, усадил на стул у окна. От внезапно возвращённого воспоминания люди иногда теряли сознание. Вахтёрша только плакала, не понимая, о ком.

В комнату заглянула женщина в махровом халате. Спросила, что случилось. Пока Кристоф разговаривал с ней, я разложил карту на столе.

Под домом шёл старый коллектор. Ответвление к комнате одиннадцать было начерчено от руки. Рядом — слово «сухо». Кто-то зачеркнул его и написал: «До вечера».

— Не открывайте шкафчик над раковиной, — сказала женщина в халате.

Мы оба посмотрели на неё.

— Там шумит. Нам велели не трогать.

— Кто велел?

— Вы.

Она узнала меня без удостоверения.

Никакой раковины в комнате не было. Она находилась в общей кухне, через три двери. Шкафчик над ней был пустой, если не считать куска хозяйственного мыла. Я постоял перед ним, прислушиваясь.

Вода капала.

Кран был сух.

На внутренней стороне дверцы виднелись царапины. Два коротких штриха и один длинный. Я провёл пальцем по дереву. Кожа на шее стянулась.

— Не надо, — сказал Кристоф.

Я отдёрнул руку.

Он стоял рядом, глядя в раковину. На белой эмали появилась полоска чёрного песка. Полоска расползлась, принимая форму ладони.

Я достал металлический ограничитель, приложил к нижней петле и нажал пальцем на прорезь. Металл нагрелся. Внутри шкафа стало тихо.

— Что это?

— След перехода.

— А куда?

Мне хотелось ответить привычное: в зону нарушения. Из

этих слов можно было сделать отчёт, но нельзя было понять, что происходит.

— Под город, — сказал я. — Иногда место появляется там, где прежде его не было. Иногда пропадает вместе с людьми. Мы закрываем проход.

— Ищите людей?

— Когда можем.

Он посмотрел на меня, и я отвёл глаза.

Женщина в халате вернулась с маленькой жестяной коробкой.

— Это Милан оставил. Он сказал, если забуду, не выбрасывать. Я ведь забыла, но оставила. Странно.

Внутри лежали недорогие наушники, записывающее устройство и конверт с деньгами. На конверте было чужое имя: «Анисе на лекарства».

— Аниса — его мать?

— Дочка. У сестры. Он чужую девочку растил как свою.

Я включил запись.

Несколько секунд шёл шум. Затем голос Милана, сонный, раздражённый:

«Я был сегодня у третьего шлюза. Там нет воды. То есть должна быть, но нет. Стоят дома. Марк сказал, мы туда не пойдём, это нарушение. Я думал, он шутит. Потом мы увидели свет в одном окне».

Долгая пауза. Скрип стула.

«Если придут из службы, покажи им. Только тому, кото-

рый не забирает вещи. Пожалуйста, Вера».

Женщина прижала руки к груди.

— Я Вера.

Запись продолжалась. Теперь другой звук: шаги по лестнице, далёкий плач, мой голос.

«Закройте дверь. И не отвечайте, если услышите знакомых».

Я выключил устройство.

За окном ударил трамвайный звонок. В коридоре кто-то сердито позвал ребёнка ужинать. Обычный вечер продолжался, как будто я не слышал самого себя на записи, сделанной в месте, которого не помнил.

Кристоф попросил Веру принести воды. Когда она вышла, он тихо сказал:

— Посмотрите на свою руку.

На указательном пальце, которым я касался шкафа, проступил белый рубец. Точно такой же, как на запястье Роз.

Я стёр его. Он не исчез.

Туда, где жила сестра Милана, я поехал один. Кристоф остался у Веры копировать записи, которые ещё можно было прочесть. Я сказал, что проверю адрес. Не сообщил, зачем мне понадобилось проверить его самому.

На улице Мясников свет почти не доходил до тротуара: деревья выросли выше фонарей, а сухие ветви никто не обрезал. Дом, который значился на обороте фотографии, имел четыре подъезда. Возле третьего сидел мужчина в май-

ке и курил, держа сигарету между большими пальцами. На остальных пальцах не было ногтей.

— Ночью здесь не открывают, — сказал он.

— Мне к Остер.

— А кто нужен?

— Сестра Милана.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— На похоронах работали?

Я поднял голову.

— Когда?

— На прошлой неделе. Я помогал столы носить. Только не помню, кого хоронили. У нас многие умирают.

Он потёр ладонь о штанину, пытаясь стряхнуть пепел, и отвёл взгляд. Я не стал спрашивать дальше. Сколько раз в городе могли провести одну и ту же смерть, пока люди постепенно теряли её смысл?

Дверь на втором этаже была обита коричневым дерматином. Из-за неё слышалось звяканье ложки. Я позвонил. Женщина спросила, кто там. Я назвал фамилию, затем сказал, что пришёл по поводу Милана.

Открыли не сразу.

Она была похожа на него глазами, но имела другое лицо — более широкое, усталое. На рукаве домашней кофты темнело пятно от воды.

— Вы из коммунальной службы?

— Нет.

— Я заплатила. На прошлой неделе. У меня квитанция.

— Я не за деньгами.

Она осталась стоять в дверях. Прижимала локоть к косяку, не пуская. За её спиной появился ребёнок. Девочка лет семи держала кружку двумя руками.

— Дядя Милан? — спросила она.

Женщина вздрогнула.

— Аниса, в комнату.

— Он обещал шарф.

— Я сказала, иди.

Девочка не двигалась. Смотрела на меня, как на человека, который должен разобраться с обещанием другого взрослого.

— Он её воспитывал, — сказал я.

Женщина отпустила косяк.

— Кто?

— Милан.

Она подняла руку к голове. Ногти были обломаны. Через несколько секунд шагнула в сторону, впуская.

Квартира пахла кипячёным молоком и старой мебелью. На столе стоял пузырёк лекарства. Аниса положила кружку возле него, не заходя в свою комнату.

— Мы уже разговаривали, — сказала женщина.

Я остановился.

— Вы были здесь. Сказали, что на работе произошёл несчастный случай. Потом приехал другой человек. Всё объ-

яснил ещё раз. У меня есть бумага. Только я не могу найти её.

Она стала перебирать ящик стола. Вытаскивала чеки, детские рисунки, резинки. Аниса наблюдала, обняв локти.

Женщину звали Эльта. Я записал имя, пока она искала бумагу. Она спросила зачем. Я сказал, что для правильных показаний.

— Первые неправильные были?

— Я не знаю, что в них написано.

Она наконец нашла лист. Это было уведомление о прекращении компенсации по отсутствующему получателю. Милан значился не погибшим — отсутствующим в базе. Деньги, которые ему должны были перечислить за ремонт шлюза, возвращались предприятию.

Эльта смотрела на документ и морщилась.

— Он никогда не говорил, что ему должны. Я бы хоть спросила.

— Вы сейчас его помните?

Она кивнула, потом покачала головой.

— Вещи помню. Он всегда выключал свет в коридоре, будто мы могли разориться на этой лампочке. Покупал девочке мандарины и говорил, что витамины важнее конфет. А лицо...

Она посмотрела на фотографию в рамке. На ней стояли трое. Девочка, Эльта и пустое место между ними. Рука Эльты лежала на чём-то, чего в изображении уже не было.

Аниса принесла другой снимок. Сделанный ребёнком на дешёвый телефон и распечатанный слишком крупно. Милан попал в него случайно, половиной лица, за кружкой. Он смеялся.

— Вот, — сказала она. — Он есть.

Я понял, почему исчезновение не завершилось. Она не согласилась, что взрослые знают лучше. Просто продолжала смотреть на фотографию, которая получилась плохо, и помнить обещанный шарф.

Эльта села. Прижала снимок к колену, а потом закрыла глаза рукой.

— Он умер? — спросила она.

— Да.

Говорить второй раз оказалось труднее, чем первый, которого я не помнил.

— Вы видели?

— Да.

— Что-нибудь говорил?

Я рассказал про мастерскую, про попытку назвать себя. Не про воду. Пока не мог отдать ребёнку такую картинку вместо живого человека.

Аниса посмотрела на меня снизу вверх.

— Ему было страшно?

Я не стал говорить, что нет.

— Было. Мы были рядом.

— Тогда хорошо.

Она произнесла это серьёзно и села возле матери. На столе стояли три чашки. Эльта сказала, что каждое утро ставила третью, не понимая почему, и сердилось на себя за ненужную посуду.

Я достал фотографию из комнаты Милана. Передал. На обратной стороне сохранилось: «Чтобы знал, кто ждёт».

Эльта провела пальцем по словам. Сразу узнала свой почерк.

Когда я уходил, она попросила оставить номер. Я написал обычный телефон, не служебный. Знал, что вечером его могут отключить, и всё равно оставил. Нужно было ещё найти тело, вернуть деньги, объяснить, почему моё имя стояло под первым уведомлением. Я не имел права исчезнуть из этой квартиры так же легко, как из отчёта.

Аниса подошла к двери.

— Если найдёте шарф, принесёте?

— Спрошу у тех, кто был с ним на работе.

Ей понравилось, что я назвал конкретного человека. Она кивнула, а Эльта тихо попросила не звонить рано утром: девочка плохо спит.

На лестнице я сел на ступень. Слышал, как за дверью женщина включила чайник. Как ребёнок сказал: «Давай эту чашку не уберём». Как внизу курящий мужчина кому-то объяснял, что лестницу опять не помыли.

До этого вечера я умел сожалеть о погибших. О живых сожалеть оказалось бесполезно. С ними требовалось что-ни-

будь делать.

Глава 6

Голос при свидетелях

На следующий день Роз вызвали в наш кабинет.

Я узнал об этом за минуту до её прихода. Зигс позвонил и сообщил, что по делу назначен специалист по восстановлению. Предписал предоставить все носители.

Я успел переписать запись Милана на другой накопитель и спрятать в краба. Кристоф делал вид, что изучает план кол-лектора.

Роз вошла в чёрном форменном костюме. Волосы были уложены, серёжек не было. Она поздоровалась со мной как с человеком, которого знает только по общим совещаниям. Я ответил так же.

Следом пришёл Зигс. За ним — врач из изолятора.

Роз взяла устройство, подключила наушники. Слушала долго. Я следил за её рукой: белый рубец скрывал рукав.

— Запись частично заражена, — сказала она наконец. — Потребуется очистка. Голос агента, вероятнее всего, воспроизведение. Контактная структура умеет пользоваться знакомым звуком.

— Вы уверены? — спросил Кристоф.

— Нет. Поэтому потребуется очистка.

Она не посмотрела на меня.

Врач положила на стол бланк.

— Сотрудник 41-Л был в этом секторе шесть дней назад. Плановая изоляция, затем коррекция. Вы подписали согласие на неё, Лонел.

— Я не помню согласия.

— Вы помните госпитализацию?

Шесть дней назад у меня болела голова. Зигс сказал, что я упал на лестнице, и отпустил на сутки. Я проспал почти весь день. Пытался вспомнить, где именно упал, и не смог.

Роз сняла наушники.

— При коррекции острый эпизод блокируется вместе с подготовкой. Обычная процедура. Вы видели слишком много.

Она говорила мне это знакомым спокойным голосом. Тем самым, которым вчера просила учиться готовить завтрак.

— Что я видел?

— На этот вопрос нельзя ответить без повторного контакта, — сказала врач.

— Тогда разрешите повторный контакт.

Зигс посмотрел на меня поверх очков.

— Нет.

Я кивнул. Слишком быстро, чтобы Кристоф не заметил.

Роз собрала носители и вложила в папку. Когда она потянулась за планом, рукав поднялся. Рубец был длиннее, чем я помнил. На нижнем краю белела тонкая полоска свежей кожи.

— Разрешите вопрос, — сказал Кристоф.

— Да.

— Почему умерший мужчина принёс нам сообщение? Если это контактная структура, зачем ей было предупреждать?

— Она не предупреждала, — ответил Зигс. — Она устанавливала доверие.

— Я спрашивал специалиста.

В комнате наступила тишина. Я увидел, как на шее у парня запульсировала жилка, но он не опустил головы.

Роз взглянула на него с интересом.

— Не каждый контакт исходит от одной и той же стороны. Пока мы не знаем отправителя, мы не знаем и цели.

— Вы знаете отправителя? — спросил я.

Она встретилась со мной взглядом.

— Нет.

При них она сказала то, во что я не должен был верить.

После совещания Кристоф ушёл с врачом оформлять материалы. Зигс задержался у двери.

— Не испытывай мальчика, Лонел.

— Он сам спрашивает.

— Поэтому и говорю.

Мне впервые захотелось спросить, зачем он вообще поставил Кристофа рядом со мной. Вместо этого я сказал, что понял.

Роз вернулась через десять минут, будто забыла наушники. Я сидел за столом и смотрел на краба. Она подошла, на-

клонилась.

— В коридоре нет людей, — прошептала она. — Но есть звук. Не говори.

Я поднял на неё глаза. Под гримом проступали синяки.

Она провела ногтем по столу и оставила в пыли цифру 3. Затем стёрла её ладонью.

— Вопросы о восстановлении следует направлять письменно, — сказала она громко.

— Хорошо.

— Извините за задержку.

Дверь закрылась.

Я дождался Кристофа. Он принёс ведомость изъятого и положил рядом с папкой. В перечне стояло устройство Милана, конверт, наушники и карта.

Копии, спрятанной в крабе, не было.

— Вы проверили шкаф? — спросил он.

— Какой?

— С другими случаями.

Я с минуту смотрел на него. Потом вынул карту из папки. Главный коллектор имел четыре шлюза. Третий был закрыт после аварии восемнадцать лет назад.

На плане, который Кристоф принёс вчера, рядом с ним значился служебный спуск.

На плане из папки там был сквер.

Глава 7

Третий шлюз

До четверга оставалось два дня. Я сходил к тайнику раньше, хотя Роз просила этого не делать. Под камнем лежала мокрая спичка и обрывок газетной рекламы. Я всё равно развернул его, прочёл обещание заменить окна со скидкой и почувствовал себя глупцом.

Кристоф ждал у выхода из парка.

— Вы за мной следите?

— Вы за мной отвечаете. Хотел облегчить вам работу.

Он успел купить резиновые сапоги. Одну пару протянул мне. Номер был правильным.

Мы дошли до канала перед закрытием рынка. Торговцы тянули брезент над прилавками. Вода была мутной, быстрой; бутылка, кружившая у опоры моста, никак не могла вырваться из маленького водоворота.

Служебный спуск прятался за пустым павильоном. Решётка покрылась краской в несколько слоёв. Самый свежий лёг поверх навесного замка, так что открыть его, не нарушив покрытия, было нельзя.

Кристоф уже вынимал инструмент, когда с другой стороны решётки зажглась спичка.

— Во второй раз здравствуйте, — сказал старый голос.

В темноте стоял человек в почтовой фуражке. Он зажал между губами сигарету, но закурить не успел: спичка погасла.

— Вы были здесь, — сказал он мне.

— Когда?

— На прошлой неделе. Отдали мне фонарь и велели не идти за вами. Неплохой фонарь.

Он поднял его. На корпусе были инициалы, нацарапанные ножом: Л. В.

— Откуда знаете, что мой?

— Сам нацарапал, при мне. Руки у вас тряслись.

Кристоф молча посмотрел на фонарь, потом на меня.

— Сава, — сказал старик. — Чтобы не разговаривать через решётку с неизвестным. Сорок лет почту носил. Привычка к дверям.

Замок оказался бутафорским. Сава вынул из него дужку вместе с куском краски и открыл нам.

Лестница шла вдоль трубы, по которой когда-то подавали пар. На ступенях было сухо. Мы спускались, слушая скрип стариковских подошв.

Внизу находилась караульная комната. На табурете стояла плита с кастрюлькой, над ней висела пальто-сушилка. На стене — календарь восемнадцатилетней давности. Старик заметил мой взгляд.

— Не потому, что время остановилось. Хорошая бумага. Прикрыл трещину.

Он поднял край календаря. За ним действительно проходила трещина, и оттуда тянуло холодом.

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Живу.

— Это ведомственный объект.

— Я знаю. Поэтому и живу. Все думают, что здесь кто-нибудь дежурит, и не заходят.

Сава налил нам чай в разномастные кружки. Мы отказались, и он не обиделся.

— О чём мы разговаривали в прошлый раз?

— О девушке. Вы спросили, живы ли те, кого не помнят. Я сказал: приходите и посмотрите.

— Какой девушке?

— Имени не назвали. Потом пришла она. У неё был такой же взгляд, как у вас: будто это я должен объяснить вам, зачем вы сюда спускаетесь.

— Роз?

— Она представилась иначе.

На плите закипела вода. Сава подождал, пока я сам продолжу.

— Как?

— Сначала нужно договориться, что вы не заберёте отсюда никого против воли.

Я видел, как Кристоф напрягся.

— Если там люди, которые нуждаются в помощи...

— Люди всегда нуждаются. Это не значит, что любой при-

шедший с ключами оказывает помощь.

Сава достал из нагрудного кармана маленький конверт. Его края были потёрты до мягкости. На нём стоял адрес: «Переулок Каменщиков, 4. Аделине Вель».

— Жена, — сказал он. — Письмо из больницы. Отдал ей лично. Через неделю улицу закрыли. Потом улицы не стало. А письмо осталось у меня. Знаете почему?

Я молчал.

— Потому что она вернула его. Сказала: сам читай, что ты там про анализы наврал. Я написал, что всё хорошо. А она знала.

В конверте хранился сложенный лист со следами пальцев. Предмет, который побывал у двух людей. В справочниках Агентства такие назывались двойными якорями. Их следовало изымать.

— Вы удерживаете проход, — сказал я.

— Я держу письмо. Остальное ваше ведомство так называет.

За стеной глухо ударило. Кристоф оглянулся.

— Вы ещё можете уйти, — сказал Сава. — Здесь вода выше нас. Там она ниже. Если дверь распахнётся сама, не смотрите, кому хочется позвать вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.